

М. В. Шкаровский
(Санкт-Петербург)

**Влияние русской церковной эмиграции
на славянские страны
в 1920–1940-е гг.**

В статье рассматривается история русской церковной эмиграции и ее воздействие на культурную, общественную и церковную жизнь славянских стран Восточной Европы в 1920–40-е гг. Ключевые слова: *Русская церковная эмиграция, славянские страны, Европа, миссионерская деятельность, духовное образование.*

Одной из самых заметных страниц истории России в XX в. была деятельность миллионной русской эмиграции, в том числе церковной. Более 90 лет прошло со времени ее появления, но целый ряд сфер жизни русского зарубежья, несмотря на очевидную научную значимость, до сих пор не подвергался глубокому исследованию. При этом большой интерес представляет не только внутренняя история русской церковной эмиграции, но и ее влияние на страны проживания.

Историография темы не очень велика. До сих пор отсутствует комплексный труд по истории русской церковной эмиграции в славянских странах. Только в начале 1990-х гг. началось обращение к колоссальным, недоступным ранее пластам документов российских архивов, а также зарубежным архивам Русской Православной Церкви, которые пока еще недостаточно введены в научный оборот.

К настоящему времени появилась группа работ светских и церковных ученых, посвященная истории Русской Православной Церкви в Юго-Восточной Европе. Так, деятельность русской церковной эмиграции в Югославии рассматривается в небольшой, но интересной книге В. И. Косика «Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.)». В приложениях к своей монографии автор опубликовал отрывки из воспоминаний протоиерея Владимира Мошина и епископа Василия (Родзянко). Определенную помощь исследователям православия окажет и приложение к этой работе: «Краткие биографические сведения о некоторых лицах, упоминаемых в книге»¹. Много ценных фактов в этом плане можно извлечь из обзорных работ по истории Югославии и ее отдельных регионов немецких историков Т. Бремера, К. Бухенау и Л. Штайндорфа². А в 2011 г. Клаус Бухенау

опубликовал фундаментальную монографию о русском влиянии на Сербскую Православную Церковь³.

Истории русской церковной эмиграции в Болгарии и ее влиянию на Болгарскую Православную Церковь посвящены статьи А. А. Кострюкова и М. В. Шкаровского, а аналогичным сюжетам в Чехословакии – труды В. Буреги и М. В. Шкаровского. Основным автором, изучающим историю русских общин в Италии и Греции, является проживающий в настоящее время в Неаполе петербургский историк М. Г. Талалай. Он опубликовал несколько ценных работ, в том числе по истории приходов во Флоренции, Сан-Ремо, Бари и русских обителей на Святой Горе Афон⁴.

При изучении истории русской церковной диаспоры в Восточной Европе необходимо учитывать труды славянских, прежде всего сербских, хорватских, словацких и чешских историков: Р. Радич, П. Позара, В. Джурича, Ю. Кришто, М. Йовановича и др. При всем различии и порой политизированности их позиций эти труды представляют значительную ценность вследствие использования большого комплекса документов государственных и церковных архивов балканских стран⁵. В конце 2000-х гг. вышли две работы, специально посвященные биографиям служивших за границей русских церковных деятелей, в том числе в славянских странах: французского исследователя Антуана Нивьера и В. И. Косика⁶.

В целом можно констатировать, что развитие исторической мысли в области истории православного Русского зарубежья за последние годы сделало значительный шаг вперед. Накоплено большое количество фактического материала. Стали доступны и издаются в России эмигрантские журналы и газеты, освещающие на своих страницах вопросы истории Православной Церкви. Переизданы труды многих представителей русской эмиграции, активно работают российские ученые. Однако история русского Православия за границей как научная дисциплина по-прежнему находится в стадии формирования.

Многие отдельные аспекты истории русской православной диаспоры, в частности влияние церковной эмиграции на славянские страны, остаются малоисследованными и требуют дальнейшего изучения, прежде всего, на основе огромного комплекса документов российских государственных и зарубежных церковных архивов.

Живший после Октябрьской революции в Париже известный писатель Д. С. Мережковский как-то сказал о русских эмигрантах «первой волны» замечательные слова: «Мы не в изгнании, мы в послании». Действительно, феномен русского зарубежья XX в.

заклучался в ознакомлении европейской общественности с российскими вековыми культурными и религиозными ценностями. Этому способствовала целая плеяда оказавшихся в эмиграции выдающихся русских религиозных философов: о. Сергей Булгаков, о. Георгий Флоровский, Николай Бердяев, Владимир Ильин, о. Иоанн Мейендорф, о. Александр Шмеман и многие другие.

Российские эмигранты смогли воссоздать за рубежом многие институты и проявления жизни дореволюционной России. Но это не был слепок со старой России, появился новый мир, который теперь принято называть Русским зарубежьем. Его составляющими были: система образования от начального до высшего, система научных институтов и обществ, разветвленная сеть издательств и органов периодической печати, продолжение русских традиций в различных жанрах искусства (архитектура, кино, литература, музыка, театр), сложившаяся структура русских зарубежных архивов, музеев, библиотек и, конечно, церковная жизнь, являвшаяся центром всего этого мира. Освоение того духовного наследия, которое наши соотечественники смогли сохранить за рубежом, несомненно, имеет большое значение для современной России.

К 1917 г. Русская Православная Церковь уже имела пять зарубежных миссий, основанных большей частью во второй половине XIX в. Десятки русских храмов были построены также в Европе, в том числе на территории нынешней Чехии – 3, в Болгарии – 2 и т. д. (до 1918 г. они находились в ведении Санкт-Петербургского митрополита). Однако численность их прихожан оставалась небольшой.

После Октябрьской революции Русская Православная Церковь продолжила и даже расширила миссионерскую деятельность за пределами страны. В результате поражения белого движения в ходе Гражданской войны 1918–1920 гг. Россию покинуло около двух миллионов ее жителей, не смирившихся с победой советской власти, из них более 200 тысяч к началу 1920-х гг. поселилось в странах Балканского полуострова, прежде всего в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославии). Такое количество русских эмигрантов способствовало значительной активизации церковной жизни. В числе покинувших Россию было около двух тысяч священнослужителей, в том числе свыше сорока архиереев; только в Сербскую Православную Церковь приняли на службу 250 русских священников, в Болгарскую Церковь – около 100 и т. д.

В первую очередь 1920–40-е гг. представляли собой уникальный период, когда русское духовенство играло значительную роль

в общей религиозной жизни славянских стран. Оно было более образованно, активно, чем местные православные священнослужители (в Болгарии и Югославии высшие духовные учебные заведения возникли лишь в начале 1920-х гг.), и поэтому с начала 1920-х гг. зачастую выступало инициатором многих важных духовных процессов: способствовало возрождению монашества (в частности, женского монашества в Сербии), созданию духовных учебных заведений, развитию богословской науки и т. д. Так, в Сербии и Болгарии до начала 1920-х гг. не было высших духовных учебных заведений, и в создание богословских факультетов Белградского и Софийского университетов значительный вклад внесли русские эмигранты.

Некоторые страны Юго-Восточной Европы после Первой мировой войны обрели независимость или значительно расширили свои территории, поэтому многое в их внутреннем устройстве, в том числе в церковной жизни, пришлось создавать заново, и в данном деле русские священнослужители смогли ярко проявить себя. Этому способствовала историческая вековая традиция воспринимать Церковь могущественной Российской империи как ведущую в православном мире.

В ряде неправославных по основному составу населения стран русские священнослужители даже играли важнейшую роль в попытках создания новых Православных Церквей: в Венгрии, Хорватии, Чехословакии и т. д. Все эти Церкви возглавили русские священнослужители: Хорватскую – митрополит Гермоген (Максимов), Чехословацкую – митрополит Елевферий (Воронов), Венгерско-Русинскую – протопресвитер Михаил Попов, Польскую – митрополит Дионисий (Валединский). Далеко не везде подобные попытки (имеющие политический подтекст) увенчались успехом, однако они так или иначе способствовали укреплению православной традиции. Кроме того, еще в 1930-е гг. Русская Православная Церковь за границей попыталось создать несколько новых Духовных Миссий в различных регионах мира.

Как существовавшие ранее, так и появившиеся после 1917 г. православные общины не имели единого управления и принадлежали к трем юрисдикциям, к началу 1930-х гг. возникшим на основе прежде единой Русской Церкви: Московский Патриархат, Русская Православная Церковь за границей с центром в югославском городе Сремски Карловцы (карловчане) и Временный экзархат Вселенского Патриарха на территории Европы с центром в Париже, который возглавлял митрополит Евлогий (Георгиевский) – по имени главы его

последователи назывались евлогиане. Правда, общин Московского Патриархата в Юго-Восточной Европе к началу Второй мировой войны практически не осталось, немного было и евлогианских приходов. Подавляющая часть священнослужителей и мирян принадлежала к Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ).

Эта Церковь хотя и была относительно небольшой по численности, однако обладала значительным авторитетом. Паства РПЦЗ проживала в Болгарии, Румынии, Греции, Венгрии, Чехословакии, а в основном – в Югославии. На территории этого государства в начале 1920-х гг. поселилось около 73,5 тыс. русских эмигрантов (правда, затем их число существенно сократилось)⁷.

В межвоенный период в Югославии было зарегистрировано более тысячи русских организаций. Уже в начале 1920-х гг. возникла целая сеть русских учебных заведений, многие из которых имели свои домовые храмы. Так в 1923–1924 гг. в королевстве действовали 24 русские начальные и средние школы с обязательным преподаванием Закона Божия, в которых обучалось около 3 тыс. детей⁸.

Широкое распространение получила благотворительность, в том числе церковная. Были открыты 8 русских амбулаторий и здравниц, 6 домов престарелых и приютов для инвалидов, 14 детских домов-интернатов и приютов, общежития, более 10 детских садов (в программу которых входили беседы о Законе Божиим), частично при храмах и монастырях. Подавляющее число эмигрантов были верующими, так, согласно материалам государственной переписи населения страны в марте 1931 г., из 26 790 не принявших югославского гражданства русских беженцев 24 214 (90,4%) назвали себя православными⁹.

Эмигранты из России построили в Югославии три церкви и две часовни, образовали сначала 8, а к 1941 г. – 12 русских приходов (в Белграде, Земуне, Панчево, Белой Церкви, Великой Кикинде, Новом Бечее, Великом Бечкереке, Нови Саде, Загребе, Сараево, Сремских Карловцах, Цриквенице) и несколько десятков общин при домовых храмах, духовные братства – прп. Серафима Саровского Чудотворца, в память о. Иоанна Кронштадтского, Святого Креста, Святой Руси, св. кн. Владимира и др., церковные сестричества. Именно в Сербии возникло первое русское церковное сестричество в эмиграции – Мариинское Покровское. Оно было основано 30 декабря 1921 г. по инициативе княгини Марии Александровны Святополк-Мирской, которая стала старшей сестрой в нем. Объединявшее свыше 200 сестер Мариинское сестричество занималось благотворительной дея-

тельностью и сбором средств на постройки русских церквей и часовен. В Белграде также действовали богословский кружок имени св. Анастасия и св. Иоанна Богослова, православный студенческий кружок имени св. Серафима Саровского, а в г. Бела Црква – православно-миссионерское издательство¹⁰.

Важное значение имело указание министра по делам религии правительства Королевства СХС о принятии русских священников на приходскую службу в Сербскую Православную Церковь, данное в мае 1920 г. по предложению епископа Нишского Досифея. В результате около 250 русских пастырей нашли себе приходские места в сербских храмах. Этим российское духовенство оказало Сербской Церкви значительную помощь, возместив ее потери в священнослужителях, погибших в ходе войны (естественно, сами получая помощь в трудоустройстве). Несколько десятков русских монахов прибыло в Сербию из знаменитого Валаамского монастыря, оказавшегося после 1918 г. на территории Финляндии. Монахи из России проживали в нескольких сербских монастырях, например, во фрушкогорских обителях Беочин, Врдник, Гргетег, Язак, а в некоторых случаях назначались настоятелями: игумен Сергей – монастыря Манасия, архимандрит Кирилл – монастыря св. Прохора Пчинского, епископ Сумский Митрофан (Абрамов) – монастырей Раковица и Дечаны, игумен Вениамин – обители св. Наума в Охриде. В 1922–1923 гг. настоятелем в монастыре Петковица (во имя св. Параскевы Пятницы) вблизи сербского г. Шабаца служил епископ Вениамин (Федченков), собравший там до 30 русских монахов и послушников. В монастыре Гргетег существовало русское монашеское братство, возглавляемое иеромонахом Амвросием (Кургановым). В 1925 г. игуменья Диодора (Дохторова) получила от сербских церковных властей в свое управление пустовавший монастырь свв. Кирика и Иулиты в Цариброде, куда она пригласила около 20 русских монахинь и послушниц из Жабковского монастыря в Бессарабии (эта община просуществовала в Югославии до 1950 г.). Кроме того, были образованы два самостоятельных русских монастыря – мужской в Мильково с 25 насельниками и женский в Хопово с 70 монахинями¹¹.

На богословском факультете Белградского университета в 1939 г. преподавало два русских профессора (С. М. Кульбакин и С. В. Троицкий) и обучалось 23 русских студента. Еще ранее преподавателями этого факультета были выдающиеся богословы: Н. Н. Глубоковский, А. П. Доброклонский (с 1931 г. до своей смерти в 1937 г. он возглавлял Русский научный институт в Белграде) и

протоиерей Феодор Титов (бывший профессор Киевской Духовной Академии, скончавшийся 20 декабря 1935 г.), а также профессора М. А. Георгиевский, А. П. Рождественский, М. Зеремский и др. Еще больше русских эмигрантов преподавали во всех (четырех) сербских Духовных семинариях, например, только в карловацкой семинарии св. Саввы 13 человек: Н. Г. Дориомедов, В. Н. Халаев, Н. А. Акаемов, С. М. Муратов, В. А. Розов, Ф. Ф. Балабанов, протоиереи Иоанн Сокаль, Василий Виноградов, Тихон Троицкий, Борис Волобуев, Нил Софинский, Нил Малахов и Борис Селивановский¹².

В Королевстве сербов, хорватов и словенцев зародилось русское студенческое христианское движение (РСХД), распространившееся затем по всему зарубежью. Его начало было связано с деятельностью возникшего в 1921 г. по инициативе Н. М. Зернова небольшого кружка русских студентов богословского факультета Белградского университета, в который входили будущие известные деятели Зарубежной Русской Церкви: св. архиепископ Иоанн (Максимович), архиепископ Серафим (Иванов), архиепископ Леонтий (Барташевич), архимандрит Киприан (Керн) и др. На собраниях кружка бывал митрополит Антоний (Храповицкий), выступали с докладами архиепископ Полтавский Феофан, епископ Челябинский Гавриил, профессора В. В. Зеньковский и Н. Н. Глубоковский¹³. 28 августа – 4 сентября 1925 г. в Королевстве СХС прошел съезд РСХД, участие в котором принял митрополит Антоний (Храповицкий)¹⁴. В конце 1925 г. кружок студентов богословского факультета Белградского университета был преобразован в Свято-Серафимовское общество, но центр русского христианского студенческого движения к тому времени переместился в Париж.

Из более чем 70 работавших в Югославии русских архитекторов очень многие (Г. И. Самойлов, В. М. Андросов, В. В. Шашевский, В. В. Лукомский, Н. П. Краснов, П. Д. Анагности, И. А. Рыка, Холменко, Клепинин и др.) возводили по своим проектам храмы для сербов. Только В. М. Андросов построил более 50 церквей в различных городах и селах Югославии. По проектам В. В. Лукомского были возведены здание Сербской Патриархии в центре Белграда и церковь св. Саввы на Врачаре. Григорий Самойлов прославился тем, что, проведя в 1941–1945 гг. четыре года в нацистском концлагере Сталаг IX-C вблизи Бухенвальда, построил там, выменивая продукты на материалы и инструменты, «самую красивую часовню в тогдашних немецких лагерях военнопленных» (сейчас ее иконостас находится в часовне на Центральном кладбище Белграда)¹⁵.

Широкую известность в Югославии приобрели русское иконописное и церковное хоровое искусство. Из церковных художников выделялись И. П. Дикой, Б. И. Образков, В. Я. Предаевич, барон Н. Б. Мейендорф и В. Н. Шевцов, которые участвовали в украшении храма-мавзолея королевской династии Карагеоргиевичей на Опленце. Особую признательность заслужило творчество П. М. Софронова, в 1930-е гг. руководившего Синодальной иконописной школой в монастыре Раковица вблизи Белграда¹⁶.

В г. Сремски Карловцы проходили ежегодные Архиерейские Соборы РПЦЗ и находился ее руководящий орган – Архиерейский Синод во главе с митрополитом Киевским и Галицким Антонием (Храповицким), а после его смерти 10 августа 1936 г. – митрополитом Кишиневским и Хотинским Анастасием (Грибановским). Важную роль в руководстве РПЦЗ играла Синодальная канцелярия, первым начальником (управляющим) которой был Е. И. Махароблидзе, а с 12 августа 1931 г. – граф Г. П. Граббе¹⁷.

С 23 марта 1922 г. по 1 октября 1930 г. при Архиерейском Синоде издавался двухнедельный журнал «Церковные ведомости», под редакцией Е. И. Махароблидзе, а в дальнейшем – ежемесячный журнал «Церковная жизнь», под редакцией Г. П. Граббе (январь 1933 – 1944 гг.). Кроме того, в Белграде в 1928–1940 гг. выходили газета «Царский вестник» под редакцией Н. П. Рклицкого (будущего архиепископа Никона) и в 1937–1944 гг. – частный журнал «Церковное обозрение» под редакцией Е. И. Махароблидзе, а позднее А. С. Залесского¹⁸.

Подобная ситуация была и в Болгарии, где первоначально поселилось около 40 тыс. русских эмигрантов. Уже в начале 1920-х гг. в стране стали возникать многочисленные русские общества (в их числе в январе 1921 г. был основан религиозно-философский кружок), культурные, учебные, благотворительные заведения; действовали три госпиталя Российского общества Красного Креста; выходило почти 100 русских газет и журналов; художники-эмигранты писали иконы и фрески в самых известных болгарских храмах и т. д. Так, например, больших успехов в области церковной живописи достиг Н. Е. Ростовцев, в качестве проектировщика и реставратора он участвовал в восстановлении и устройстве 28 храмов по всей стране¹⁹.

Русские преподаватели с 1920 по 1953 г. опубликовали 26 учебников и учебных пособий, а также трудов, связанных с историей христианства (Н. Н. Глубоковский и М. Е. Поснов).

Значительный вклад в развитие болгарского духовного образования внесли русские богословы. Так, бывший заслужен-

ный ординарный профессор Петроградской духовной академии Н. Н. Глубоковский стал одним из создателей в 1923 г. богословского факультета Софийского университета и основателем новозаветного богословия в стране; в период эмигрантской деятельности он опубликовал около 50 своих научных работ. Николай Никанорович в значительной степени влиял на церковную политику Болгарии – как внутреннюю, так и международную, выступая официальным представителем непризнанной автокефальной Болгарской Церкви ходатаем за Болгарское государство перед знакомыми ему зарубежными политическими деятелями и организациями. Во многом благодаря усилиям Глубоковского удалось спасти от закрытия богословский факультет Софийского университета при сокращении государственных ассигнований на образование в первой половине 1930-х гг.

Большое внимание Н. Н. Глубоковский уделял подготовке нового поколения русских священнослужителей и сотрудничал как со Свято-Сергиевским Богословским институтом в Париже, так и с Ученым комитетом (в 1934 г. он стал его членом), учрежденным в Сремских Карловцах при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей. Комитет возглавлял Первоиерарх РПЦЗ митрополит Антоний (Храповицкий), а в его состав помимо Глубоковского входили архиепископ Берлинский и Германский Тихон (Лященко), профессора М. В. Зызыкин, А. П. Доброклонский, С. В. Троицкий и Н. С. Арсеньев, большинство которых некоторое время проживали и работали в Болгарии²⁰.

В число первых четырех избранных профессоров богословского факультета Софийского университета, кроме Н. Н. Глубоковского, входил также бывший профессор Петроградской духовной академии протопресвитер Александр Рождественский. С 1931 г. профессорскую кафедру богословского факультета занимал бывший профессор Киевской духовной академии М. Е. Поснов, с 1924 г. доцентом кафедры Священного писания и Ветхого Завета (позднее профессором) являлся бывший протопресвитер российского военного духовенства, член Святейшего Синода в 1915–1917 гг. Георгий Шавельский. Преподавали на богословском факультете Софийского университета также архимандрит Тихон из Киевской духовной академии, профессор М. В. Зызыкин, профессор А. П. Доброклонский и доцент С. В. Троицкий из Новороссийского университета. Один из современных болгарских историков отмечал, что «среди богословской профессорской коллегии в первые годы преобладали белоэмигранты»²¹.

В Пловдивской духовной семинарии преподавали шесть русских эмигрантов: Н. Никитюков, профессор М. Поснов, протоиерей

Михаил Шишкин, М. Калнев, И. Чаусов и В. Иваницкий, причем два первых из них преподавали также в Софийской семинарии (вместе с филологом Ф. Г. Александровым), а два последних – в Бачковском священническом училище. С помощью болгарского правительства уже в 1921–1923 гг. были открыты семь русских гимназий²². Также в 1920-е гг. были созданы 14 русских начальных и подготовительных школ, 5 детских домов, инвалидные дома. Кроме того, действовали сельскохозяйственная школа-колония и семь военных училищ²³.

Огромное значение в русских учебных заведениях придавалось преподаванию Закона Божьего. Этот предмет в русской Софийской гимназии свт. Николая Мирликийского преподавал протопресвитер Георгий Шавельский²⁴. 19 декабря гимназия ежегодно праздновала день своего покровителя святителя Николая Мирликийского. Не только эта гимназия, но и некоторые другие русские учебные и благотворительные учреждения имели домовые церкви или часовни, например, созданное в г. Ямболе военное училище Войска Донского, русский инвалидный дом в Шумене, Русская смешанная гимназия новых языков В. П. Кузминой в Софии (законоучителем гимназии и настоятелем ее домового храма служил протоиерей Георгий Голубцов). В Ямболе появились и два русских воинских кладбища, на одном из которых в 1921 г. воздвигли памятник погибшим воинам. В 1929 г. была устроена часовня-памятник на русских могилах Велико-Тырновского кладбища. Русские домовые храмы возникли также в Руссе, Пловдиве, Варне, Пернике и некоторых других местах.

Духовным центром русской эмиграции в Болгарии была Церковь, при храмах возникали братства, сестричества, молодежные и детские группы, которые активно занимались просветительской, культурной и благотворительной деятельностью. Болгарская Православная Церковь сильно страдала от нехватки священников, особенно образованных, и ее Священный Синод охотно назначал русских священнослужителей настоятелями болгарских приходов или преподавателями Духовных учебных заведений. Согласно православным канонам все русское духовенство в Болгарии требовалось зачислить в ведомство Болгарского Экзархата, однако по «братской церковной благосклонности» (как выразился протопресвитер Стефан Цанков), правда, без принятия специального письменного решения, Священный Синод позволил создание и самостоятельных в юрисдикционном отношении общин и монастырей, вошедших позднее в состав Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ)²⁵.

В апреле 1921 г. Патриарх Московский и всея Руси Тихон назначил управляющим русскими приходами в Болгарии епископа (позднее архиепископа) Серафима (Соболева)²⁶. Также поселившийся в Болгарии архиепископ Дамиан (Говоров) в начале 1923 г. основал старейшее образовательное богословское учреждение русской эмиграции – единственное Богословско-пастырское училище РПЦЗ в Европе – при монастыре свв. Кирика и Иулитты в с. Горни Воден Станимакского (с 1934 г. Асеновградского) округа, переданном в 1922 г. Болгарским Синодом русским насельникам в безвозмездное пользование. 29 сентября 1922 г. русский Архиерейский Синод в Сремских Карловцах постановил разрешить еп. Дамиану создать училище при монастыре²⁷. Болгарский Синод в конце 1922 г. специальным решением тоже позволил открыть Богословско-пастырское училище с тем, чтобы его учащиеся подготавливались в качестве священников и для Болгарской Православной Церкви²⁸.

Несмотря на постоянную нехватку средств, училище за 15 лет существования подготовило около 50 священнослужителей и преподавателей Закона Божия, из них 25 приняли священный сан (19 русских и 6 болгар). Кроме руководства училищем Владыка Дамиан с разрешения Архиерейского Синода периодически устраивал летние богословско-пастырские курсы²⁹. К середине 1930-х гг. в Болгарии существовало два русских мужских монастыря: Ямбольский Святого Спаса и Асеновградский свв. Кирика и Иулитты, а также девять приходов.

В Чехословакии крупнейшим центром миссионерской деятельности был основанный русскими эмигрантами в начале 1920-х гг. в восточной части Словакии монастырь преподобного Иова Почаевского, ставший в 1930-е гг. крупнейшим центром русской духовной печати за границей. К этому времени в Словакии, где до 1917 г. православие фактически отсутствовало, насчитывалось уже 9 тыс. православных верующих. В 1945 г. монахи из обители преп. Иова Почаевского переселились сначала в Германию, а затем в США, в основанный в 1930 г. Свято-Троицкий монастырь в городке Джорданвилле (штат Нью-Йорк), где продолжили издательскую деятельность. При монастыре были организованы издательство преп. Иова Почаевского, иконописная мастерская, Свято-Троицкая Духовная семинария, библиотека, исторический музей и русское кладбище. Эта обитель до сих пор остается центром Русской Православной Церкви за границей.

Таким образом, феномен Русского зарубежья XX в. заключался в его служении вечным истинам (в том числе христианству), сохранении в эмиграции традиционных российских культурных, нрав-

ственных и религиозных ценностей. Русский православный мир за границей в 1920–40-е гг. только в последнее время привлек внимание исследователей. Именно русское эмигрантское духовенство сделало чрезвычайно много для развития православия в Центральной и Восточной Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Косик В. И.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000.
- 2 *Buchenau K.* Kämpfende Kirchen. Jugoslawiens religiöse Hypothek. Frankfurt am Main, 2006; *Bremer T.* Kleine Geschichte der Religionen in Jugoslawien. Freiburg; Basel; Wien, 2003; *Steindorf L.* Kroatien. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. München, 2001.
- 3 *Buchenau K.* Auf russischen Spuren. Orthodoxe Antiwestler in Serbien, 1850–1945. Wiesbaden, 2011.
- 4 *Талалай М. Г.* Церковь Рождества Христова во Флоренции. Флоренция, 1993; *Он же.* Русская церковь в Сан-Ремо. Сан-Ремо, 1994; *Он же.* Русское кладбище имени Е. К. В. Королевы Эллинов Ольги Константиновны в Пирее (Греция). СПб., 2002; *Он же.* Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2003; *Кучумов Владимир, священник, Талалай М. Г.* Православная русская церковь в Бари. Бари, 2001.
- 5 *Jelić-Butić F.* Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945. Zagreb, 1978; *Djurić V.* Ustaše i pravoslavlje. Hrvatska pravoslavna crkva. Beograd, 1989; *Ђурић В.* Усташе и Православље. Хрватска Православна Црква. Београд, 1989; *Kosović B.* Zrtve drugog svetskog rata u Jugoslavije. London, 1985; *Zerjavić V.* Gubici stanovništva Jugoslavije u drugom svetskom ratu. Zagreb, 1989; *Bateljja Ju.* Crna knjiga o grozovitostima komunističke vlada – vine u Hrvatskoj. Zagreb, 2000; *Harbulova L.* Ladomirovske reminiscencie. Z dejnin ruskej pravoslavnej misie v Ladomirovej 1923–1944. Preshov, 2000; *Ales P.* Pravoslavna cirkev u nas. Preshov, 1998; *Suvarsky Ja.* Biskup Gorazd. Praha, 1979; *Pozar P.* Hrvatska Pravoslavna Crkva u proslosti i buducnosti. Zagreb, 1996; *Krišto Ju.* Katolicka crkva i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945. Dokumenti. Zagreb, 1998; *Krišto Ju.* Sukob simbola. Politika, vjero i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Zagreb, 2001; *Радић Р.* Држава и верске заједнице 1945–1970. Београд, 2002. Д. 1.
- 6 *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Евро-

- пе. 1920–1995: Биографической справочник. М.; Париж, 2007; *Косик В. И.* Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику. М., 2008.
- 7 Bundesarchiv Berlin (BA), 62Di 1/85. Bl. 52; *Григорьевич Б.* Русская православная церковь в период между двумя мировыми войнами // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 11–113.
 - 8 *Сабенникова И. В.* Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002. С. 217.
 - 9 *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. С. 140.
 - 10 Там же. С. 68; *Арсеньев А.* У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 34.
 - 11 *Арсеньев А.* У излучины Дуная. С. 33–34; *Он же.* Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. С. 77; *Маевский В. А.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Нью-Йорк, 1966. Т. 2. С. 30–31; *Косик В. И.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000. С. 70–71.
 - 12 *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии. С. 76; *Он же.* У излучины Дуная. С. 33.
 - 13 За рубежом. Белград–Париж–Оксфорд (хроника семьи Зерновых) (1921–1972) / Под ред. И. М. и М. В. Зерновых. Париж, 1973. С. 23–30.
 - 14 Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилл, 1988. С. 166–167.
 - 15 *Милованович М.* Архитектор Григорий Самойлов // Русская эмиграция в Югославии. С. 280.
 - 16 *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. С. 340.
 - 17 Церковная жизнь. 1941. № 3–12. С. 34.
 - 18 *Бондарева Е.* Под сенью Святой Троицы. История Русской церкви в Белграде // Журнал Московской Патриархии. 1999. № 7. С. 24.
 - 19 *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. С. 339.
 - 20 *Клементьев А. К.* «...Человек без лицемерия» // Новый журнал. 2007. Кн. 249. С. 327–328.
 - 21 *Димитров И.* Професор Николай Никанорович Глубоковский – основател на новозаветного богословие в България // Бялата емиграция в България. Материалы от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 366–367.
 - 22 *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. С. 315–317.
 - 23 Централен държавен архив – София (ЦДА). Ф. 791к. Оп. 3. Ед. хр. 1; *Шавельский Г.* Русская школа в Болгарии // Труды V-го съезда русских академических организаций за границей. Ч. 1. София, 1932.

- С. 3; *Горяинов А. Н.* Учебные заведения русской эмиграции... С. 182, 188–189; *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии... С. 511.
- 24 *Тинин И.* Бытие. Исход. Второзаконие: (История глазами очевидца): Династия Тининых и иже с ними: Воспоминания. Волгоград, 2001. С. 52–53.
- 25 *Цанков С.* Българската православна църква от Освобождението до настояще време. София, 1939. С. 191.
- 26 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6343. Оп. 1. Д. 103. Л. 1; Краткое жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). Джорданвилл, 1951. С. 18–21.
- 27 Церковные Ведомости. 1922. № 18–19. С. 4–5.
- 28 Историческая записка о Пастыро-богословском училище в монастыре «Св. Кирика» в Болгарии. София, 1932. С. 3.
- 29 ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 106–109, 136; ЦДА. Ф. 791к. Оп. 1. Д. 65. Л. 43.

Shkarovsky M. V.

The Influence of the Russian Clerical Emigration
on the Slavic Countries in 1920–1940s

The article deals with the history of the Russian clerical emigration and its influence on the cultural, social and ecclesiastical life of the Slavic countries of Eastern Europe in 1920–1940s.

Key words: *Russian clerical emigration, Slavic countries, Europe, missionary activity, spiritual education.*